

Аиноп Роиу Бёркард

СВАТОВСТВО
В ЗАГОРОДНОМ
ДОМЕ

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2012

Глава первая

Лондон, Англия

1818 год

Мистер Питер О'Брайан очень хорошо понимал, что его искушает сам дьявол, и он знал имя этого дьявола — мистер Филлип Морни. Документ, который Питер держал в руке, должен был безмерно обрадовать его. Несомненно, единственное чувство, которое он мог бы сейчас испытать, — это ликование. Ведь молодой человек два года провел в должности младшего приходского священника, на жалованье которого не прокормилась бы и церковная мышь, и вот мистера О'Брайана рекомендовали в поместье богатого землевладельца, где освободилось место викария.

Рекомендация поступила от его бывшего начальника, полковника Сотби, благодаря чему он мог получить назначение в приход Глендовер, — безусловно, весьма престижное место. Помимо достойного жалованья, в его распоряжении будет большой участок церковных земель, богатый и прочный дом, короче говоря, он сможет наконец подумать о семье. (Если, естественно, «найдет себе подходящую жену». О'Брайан буквально слышал добродушный смех полковника, когда тот сделал это замечание.)

Но, к ужасу младшего священника, имя землевладельца было *мистер Филлип Морни*, не кто иной, как сам парагон! А Морни никогда не пожалует ему приход — в этом мистер О'Брайан не сомневался (у него было свое представление об этом землевладельце). Кроме того, ни

один человек, позволивший себе лишнее в отношениях с невестой мистера Морни (что мистер О'Брайан, к своему большому сожалению, когда-то сделал), не может получить должность викария во владениях этого человека. *Вот так невезение, просто адское!* Такое рекомендательное письмо подобно золоту, ведь конкуренция очень высока, поскольку бедных младших священников, желающих улучшить свое положение, было больше, нежели приходов, где они могли бы служить.

И вместо того чтобы возносить благодарность небесам, мистер О'Брайан вдруг твердо уверился, что Морни возьмет кого угодно на эту должность, только не его. И мать Питера, внимательно прочитав письмо, согласилась с его опасениями.

— Ты же не хочешь воскрешать старые обиды, — сказала она. — Насколько я знаю, мистер Морни не из тех людей, кто прощает. Стоит ли нести расходы и терпеть тяготы поездки в Мидлсекс, чтобы тебя тотчас отправили обратно? И что ты тогда выиграешь?

Мистер О'Брайан кивнул; он ее понял. Но потом возразил:

— Возможно, мне все-таки придется поехать. Полковник не даст мне рекомендаций в другой приход, если узнает, что я не использовал эту возможность.

— Напиши ему, — предложила мать, — может, тебе удастся вежливо отклонить оказанную тебе честь и при этом дать понять, что ты с радостью и благодарностью примешь любое другое предложение!

Он сомневался, что какое бы то ни было письмо, пусть даже самое вежливое, поможет ему избежать встречи с мистером Морни и при этом обеспечить рекомендации в будущем. Но он все-таки рассмотрел эту мысль, взял перо и бумагу и отправил полковнику ответ. Он спросил (с максимальным смирением, на какое был способен), не может ли тот рекомендовать его на должность священ-

ника в другом приходе, право жаловать который принадлежит какому-нибудь другому землевладельцу, *абсолютно любому* другому джентльмену в Англии, только не мистеру Морни.

Он не мог откровенно рассказать, что произошло у него с мистером Морни, не выставив себя круглым дураком. Дело в том, что когда-то он сам надеялся жениться на теперешней миссис Морни, правда, это было несколько лет тому назад. Сегодня те надежды казались ему такими дерзкими! Мисс Ариана Форсайт великолепно подходила на роль жены парагона! Он видел чету в городе после их свадьбы, но не стал к ним подходить, его буквально ужаснула мысль, что когда-то он вообразил себя достойным такой красавицы.

Когда же пришел ответ полковника, в нем не было ничего неожиданного. Тот заверил мистера О'Брайана, что его опасения необоснованны, что репутация мистера Морни как грубого и вспыльчивого человека осталась в прошлом. Полковник Сотби сам глубоко уважал Морни и утверждал, что парагон — истинный христианин. Другими словами (и высказано это было предельно ясно), мистеру О'Брайану лучше поскорее отправляться в Мидлсекс, иначе он поставит полковника в страшно неудобное положение. Он уже написал в Аспиндон, а значит, священника там ждут. И если он не явится туда, то надеяться на щедрые и достойные рекомендации ему уже не придется.

И мистер О'Брайан понял, что этой скорбной участи не избежать — придется ехать в Мидлсекс и представляться Морни. Он знал, что дело безнадежно и ничего, кроме унижений, ему не принесет, но он не мог не признать эту ситуацию волей Господа и смирился. О'Брайан опустил на колени и принялся молиться, он просил избавить его от этой роковой встречи, но и сердце, и совесть велели ему отправляться в Глендовер. Если ему суждено

пройти через унижение, разве не он сам накликал его себе на голову? Разве он не заслужил неуважение мистера Морни своей одержимостью мисс Форсайт, которая была теперь миссис Морни?

У него не осталось к ней чувств, но все равно встреча с ней будет мучительной! Как и с ее мужем. Тем не менее, поднявшись с колен, Питер О'Брайан почувствовал, что готов исполнить то, чего требовали долг и честь. Ему оставалось только надеяться, что сам мистер Морни еще не написал письмо полковнику с возражениями и не сообщил ему, почему он никогда не пожалует приход Питеру О'Брайану. Полковник был единственной надеждой Питера, только с его помощью он мог выбраться из Сент-Панкраса. Этот приход, убогий и нищий, где процветала преступность и безысходность, не был тем местом, где О'Брайан рассчитывал провести всю свою жизнь. А ведь он хотел когда-нибудь и жениться!

Готовясь встретиться лицом к лицу с мистером Морни, мистер О'Брайан решил, что не позволит этому господину быстро с ним расправиться. Он больше не тот юноша, который когда-то был безумно влюблен в мисс Форсайт. Отсутствие поддержки в жизни закалило его, заставило самостоятельно решать все житейские вопросы, отчего он превратился (во всяком случае, так ему казалось) в более мудрого человека.

Аспиндон-Хаус, Глендовер, Мидлсекс

Ариана Морни пристально посмотрела на свою младшую сестру Беатрис, сидевшую напротив нее в уютной и элегантной утренней комнате в поместье Аспиндон. Сейчас при дневном свете превращение Беатрис из ребенка в живую и привлекательную молодую женщину

не вызывало сомнений. Вчера, когда миссис Форсайт и Беатрис приехали, Ариана, конечно же, заметила перемены в сестре, но дневной свет помог гораздо лучше разглядеть ее, нежели факелы прошлым вечером (их зажгли в честь гостей) или свечи и огонь в камине.

Каштановые волосы Беатрис приобрели очаровательный красноватый отлив и блеск. Ее локоны выбивались надо лбом из-под утреннего чепца с гофрированными оборками и обрамляли лицо по бокам. Цвет волос оттенял зеленовато-карие глаза и подчеркивал здоровый цвет кожи. Беатрис заметила, что сестра ее разглядывает, и улыбнулась:

— Ты смотришь на меня так, словно не узнаешь! — Девушка не скрывала своего удовольствия от того, что она стала предметом восхищения.

— Просто непостижимо, как ты изменилась, и всего за один год!

— Жаль, что мы так долго не встречались, — вставила миссис Форсайт, мать сестер. Она не сводила глаз с Арианы и младенца у нее на руках (четырёхлетнего Найджела, первого ребенка супругов Морни, няня, миссис Перлер, увела, потому что он облился молоком). — Мы хотели приехать раньше, сама знаешь, но Люси вдруг заболела, и я не хотела привезти с собой какую-нибудь заразу, у тебя ведь маленькая дочь. — Она наклонилась к малышке: — Нет, нет, нет, — сказала она тем тоном, каким люди часто обращаются к детям, — мы же не хотим, чтобы маленькая Миранда заболела, правда? — И взяла малышку на руки.

Ариана улыбнулась:

— Хорошо, что вы приехали, мама. Мне бы очень хотелось, чтобы папа и Люси тоже были с нами.

Люси, самой младшей сестре, и отцу пришлось остаться в Честертоне, чтобы присмотреть за весенними посадками. Мистер Форсайт не хотел полностью лишаться

всей семьи, поэтому Люси, которую он очень любил, решили оставить с ним.

— Я больше не могла ни дня ждать твоего отца, — с полуулыбкой ответила миссис Форсайт. — Они приедут почтовой каретой, как только закончат работы после Пасхи. И тогда мы будем все вместе, кроме, конечно, Норледжей (речь шла о старшей дочери и ее муже мистере Норледже). Впрочем, может быть, мистер Форсайт их тоже возьмет с собой, когда поедет сюда.

— В таком случае, я хочу, чтобы приехала еще и тетя Пеллхэм, — заявила Ариана.

— О! Если приедут Пеллхэмы, а еще и Норледжи, даже в этом большом доме станет тесно, должна признаться! — возразила мать.

А Беатрис почти их не слушала. Она все еще наслаждалась восхищением Арианы, которая явно заметила, как она повзрослела. В свои семнадцать лет Беатрис не была поразительно красива — люди не замирали от восхищения, вдруг увидев ее, как это часто случалось с Арианой. Но младшая сестра была не лишена ума, у нее были яркие глаза, и ради справедливости следует добавить, она отличалась приятностью в общении и приветливостью. Среди сдержанных и воспитанных молодых англичанок Беатрис всегда покровительствовала робким. Она была радушной со всеми, даже с теми, кого другие сторонились, всегда расспрашивала их и защищала, когда многие отворачивались от них.

Она не принадлежала к тем девушкам, что плавно скользят по паркету, исполненные достоинства и элегантности. Напротив, Беатрис постоянно приходилось сдерживать свою энергию. Когда она поднималась с кресла, ей с трудом удавалось выглядеть элегантно (ее матери пришлось бесконечно долго учить ее сдерживаться). Зато она умела красиво, даже, пожалуй, с изяществом, есть. Но когда за ней не наблюдали, ее природная жи-

вость толкала девушку вперед с невероятной скоростью. Ее шали вечно спадали с плеч; мать запретила ей носить в волосах украшения, поскольку они постоянно сваливались с головы — разрешались только ленты и, конечно, — шляпки.

— Как замечательно, что мне всего семнадцать лет, — говорила Беатрис матери на прошлой неделе, когда та старательно завязывала ей широкую ленту на прическе. — Иначе, как мне кажется, вы бы запретили все, кроме тюрбанов! Хотя на моих волосах завивка держится в два раза дольше, чем у Люси!

Миссис Форсайт на миг остановилась и встретила с дочерью глазами в зеркале:

— Мне кажется, тюрбан тебе пойдет, наверное, нужно будет купить. Насколько мне известно, они сейчас в моде. — Поскольку меньше всего на свете Беатрис желала носить на голове тюрбан — неважно, сколько молодых леди на страницах журнала «La Belle Assemblée» были в них, — она сердито фыркнула, чем заставила мать улыбнуться.

— А мне *понравится* полный дом гостей, — объявила Беатрис. — Пожалуйста, пригласите Норледжей, Ариана! Только подумай, как мы замечательно развлечемся! Мы сможем разыгрывать спектакли, и нам хватит актеров на все роли! Можем играть в шарady или танцевать!

Ариана с обожанием посмотрела на сестру:

— А какие танцы ты больше любишь?

— Вальс! — сразу же ответила девушка и улыбнулась, показывая, что знает: предпочитать вальс неприлично — из всех бальных танцев это единственный, в котором предполагается тесный контакт с партнером.

Миссис Форсайт прищелкнула языком, но Беатрис небрежно отмахнулась и бросила взгляд на мужа Арианы, чтобы проверить его реакцию. Хозяин дома читал

утреннюю газету и вовсе не слушал болтовню жены с родственницами.

А родственницы буквально оккупировали его дом. Кроме Беатрис и миссис Форсайт, приехала его тетя, миссис Ройлфорст, она тоже остановилась в их доме вместе со своей компаньонкой, тощей и нервной мисс Блафорд. Правда, они пока не спускались к завтраку, скорее всего, из-за миссис Ройлфорст. Ей было трудно вставать по утрам, она либо спала до полудня, либо просила принести завтрак в ее комнату.

— А вы что думаете, сэр? — спросила миссис Форсайт у Филлипа. — Может ли моя дочь пригласить Норледжей вместе с мистером Форсайтом и Люси? Или, на ваш взгляд, дом уже и так полон гостей?

Мистер Морни опустил газету, чтобы показать, что слышит вопрос:

— Поскольку это семья ваша и моей жены, мне кажется, что этот вопрос вы должны решить между собой сами. Можете приглашать сколько угодно гостей, — добавил он, глядя на Ариану, — лишь бы спален хватило.

— Спасибо, дорогой, — ответила Ариана, а Беатрис едва сдержала смешок. По ее мнению, сестра и ее муж все еще чрезмерно романтичны. Хорошо, что никого, кроме нее и матери, в комнате не было! Ей стало бы за них неловко в обществе.

— Забрать ребенка, мама? — спросила Ариана, поскольку Миранда начала капризничать.

— Мне кажется, она проголодалась, — согласилась с ней мать. Ариана кивнула служанке, которая все это время сидела у стены, та подошла и взяла малышку у бабушки, чтобы затем осторожно передать Ариане. Глаза молодой мамы радостно засияли, когда она взяла на руки свою девочку. Что-то нашептывая ей, она то поднимала ее и целовала, то просто держала на руках и с любовью смотрела на нее.

— Я пока не стану ее кормить, — сказала она, — детка еще не хочет.

А мысли Беатрис были заняты только развлечениями, которые возможны, когда в доме много гостей.

— Если они приедут, вы с мистером Морни можете устроить бал, Ариана? Или лучше ты свозишь меня на лондонский сезон? И тогда я смогу ходить на балы, сколько захочу, и тебе не придется тратиться на их проведение!

— Если она повезет тебя в Лондон, — вмешалась мать, — она потратит гораздо больше денег, чем на бал у себя в доме! К тому же ты еще слишком молода для таких развлечений.

Беатрис посмотрела на мать, ее восторженность несколько поутихла.

— Но ведь сестра заметила, что я выросла, — возразила девушка, глядя на Ариану с мольбой в глазах. — И я уже не маленькая для сезона, так пишут в журналах. Многие девушки моего возраста выходят в свет, мама!

— Многие девицы, — тотчас пресекла ее мать, — не думают, что делают, как и их родители. Ваш отец и я не позволяли твоим сестрам выходить в свет в таком возрасте. Тебе и так слишком потворствуют, как я считаю. Так что вопрос о Лондоне не рассматривается!

Настроение Беатрис тотчас испортилось, но она огляделась и остановила взгляд на паразоне:

— А я считаю, что мистер Морни видел немало девушек моего возраста, и даже младше, которые дебютировали во время сезона. И ничего с ними не случилось. Я уверена, некоторые из них весьма успешно вышли замуж! Многие состоятельные мужчины предпочитают жениться на молоденьких девушках. Вы должны дать мне возможность, пока я молода, воспользоваться этим преимуществом.

Мистер Морни нахмурился, продолжая читать газету. Он понял, что его юная родственница ожидает от него поддержки в этом вопросе, но он не имел привычки бросаться на помощь молодым женщинам, особенно если дело касалось лондонского сезона. И поэтому он промолчал, хотя последовавшая тишина свидетельствовала о том, что дамы рассчитывают услышать его мнение.

Осторожная Ариана предложила:

— Давайте обсудим это в другой раз. До сезона еще несколько месяцев. Да и Миранда такая маленькая, что я не могу принимать столь серьезное решение.

Беатрис, которая понятия не имела, что ступила на зыбкую почву, не желала уgomониться.

— Только пусть мистер Морни выскажет свое мнение! Я уверена, мама к вам прислушается, сэр, — сказала она, обращаясь уже непосредственно к зятю.

Тот неохотно отложил газету и посмотрел на Беатрис:

— Я считаю, что и Ариана была еще слишком молода для выхода в свет в свои девятнадцать. В вашем возрасте тем более следует оставаться под опекой и не лезть в пасть к волкам. — Девушка так огорчилась, что мистер Морни едва сдержал улыбку: — А почему вы так рветесь на сезон?

Она чуть заметно улыбнулась. Уже лучше: он предлагает ей высказаться, чтобы мать тоже поняла ее желание выйти в свет.

— Я прекрасно помню рассказы сестры о ее жизни в Лондоне, — принялась объяснять она. — Там она встретила вас! Выход в свет принес ей замужество и Аспиндон, и лучшую жизнь! Мне уже опостылел Честертон, можете мне поверить! Возможности для замужества там такие скудные, если не хуже, — продолжала девушка. (Ариана закрыла глаза при этих словах; ей было невыносимо слы-

шать, что сестра приводит именно те причины, которые Филлип больше всего ненавидел.) — Почему-то получается, что все подходящие молодые люди находятся либо на военной службе, либо в море, и к тому же нуждаются в деньгах. Я должна поехать в Лондон или Бат, где мужчин очень много! — Она помолчала и откровенно посмотрела на Морни: — У меня нет состояния, сэр, как вы сами знаете. А с вашими связями я смогу познакомиться с нужными людьми! Что может быть надежнее? И я, вне сомнения, закончу сезон, как моя сестра, с мужем вроде вас! — Беатрис, безусловно, была уверена, что льстит ему этим. Она ожидала получить любезный ответ.

— Ах, Беатрис! — простонала миссис Форсайт. — Ты глупая девчонка!

Мистер Морни аккуратно сложил свою газету и поднялся с кресла:

— Девушка считается взрослой не тогда, когда она надевает корсет, вы со мной согласны? — Он обратил свое замечание ко всем, затем посмотрел на Беатрис. После этого поклонился и повернулся к дверям.

Беатрис слегка покраснела, смущенная его отповедью.

Мистер Фредерик встретил хозяина у дверей с подносом для почты, на котором лежало письмо для мистера Морни, тот взял его, но тотчас перевел изумленный взгляд на дворецкого.

— Оно прибыло в таком виде, сэр! Полагаю, письмо потеряли или что-то еще случилось с ним.

— Гм... вполне возможно, Фредди. — Он показал жене измятое и заляпанное чернилами послание и сам с сомнением посмотрел на него: печать почти отвалилась.

Ариана тоже удивилась:

— И от кого же оно?

Морни развернул письмо и прочел подпись внизу:

— От полковника Сотби. Прочту у себя в кабинете.

Ариана кивнула, и мистер Морни ушел.

Беатрис все еще переживала сделанное ей замечание. Как только Филлип вышел, она сказала:

— Ну, как я могу стать «взрослой», когда меня вынуждают прозябать в деревне, где я общаюсь с благородными людьми только по воскресеньям, без всяких надежд на будущее?

— Ты все преувеличиваешь! Это неправда, — возразила ей мать с осуждением.

— Что же касается корсета, — продолжила Беатрис, отхлебнув чаю, — я и не утверждаю, что именно это свидетельствует о моей готовности к сезону. Я много думала, и у меня есть свои принципы. Я основывалась на том, чему учили меня мой отец и мистер Тиммонс, священник, и, должна сказать, мои принципы вполне обоснованы.

— Мы рады это слышать, — сказала Ариана, проявляя ангельское терпение, — но на самом деле тебе не следует настраиваться на поиски мужчины, похожего на моего мужа; ты должна стремиться отыскать мужчину, которого предназначил тебе Господь.

— Так я к тому и стремлюсь! — возразила девушка, ее широко распахнутые глаза смеялись. — Только посмотри, какие преимущества Он мне дает, потому что моя сестра — *ты!* Неужели мне нельзя этим воспользоваться? Ведь это может свести меня с моим будущим мужем.

Ариана, рассеянно поправляя одеяльце Миранды, встретилась глазами с сестрой:

— Лондон не единственное место, где молодая женщина может найти себе мужа. А уж если ты хочешь, чтобы *мой* муж одобрил твои планы, ни в коем случае нельзя говорить ему, что ты ищешь такого же мужа, как он! И вообще о том, что стремишься выйти замуж за человека выше тебя по положению!

— Почему же выше? Моя сестра — миссис Морни из Аспиндона!

— Да, выше, — вмешалась мать, — потому что ты — мисс Форсайт из Честертона.

— Но я дочь джентльмена, — не согласилась с ней девушка.

— И без приданого, — добавила мать.

У Беатрис вспыхнули щеки.

— Зато у меня родственник с огромным состоянием и связями! — раздраженно парировала она.

— Это не имеет значения! — отрезала мать.

— А для меня имеет!

— Но не должно! — Миссис Форсайт становилось стыдно за дочь, она была рада, что мистер Морни ушел из комнаты и не слышит Беатрис. Ариана изо всех сил делала вид, будто не участвует в этом разговоре.

— Но это имеет значение, мама!

— Беатрис! Ты и так уже слишком много наговорила, из чего можно заключить, что ты совсем не знаешь жизни. — Мать подняла руку, останавливая Беатрис, которая хотела снова возразить: — Ни слова больше! Я не желаю ничего слышать. Ни слова. — И миссис Форсайт обратила все свое внимание на старшую дочь: — Пожалуй, схожу в детскую, посмотрю, как там Найджел. Ты не против?

— Нет, конечно. Он с радостью покажет вам свои игрушки, — ответила Ариана, и мать поднялась, чтобы выйти из комнаты. — Я тоже скоро приду покормить ребенка.

— Очень хорошо. — Миссис Форсайт кивнула старшей дочери и посмотрела на Беатрис: — Мне кажется, ты поступишь очень разумно, если больше не будешь ничего говорить о сезоне. И я категорически запрещаю тебе поднимать эту тему в разговоре с мистером Морни! Ты меня поняла?

— Поняла, мама. — Беатрис была недовольна, но ей слишком хорошо был знаком этот тон. Кроме того, она

посчитала, что не стоит упоминать о своих надеждах в разговорах с мистером Морни, поскольку ему это явно не понравилось. Но сама она будет думать о лондонском сезоне и надеяться. А однажды, когда Ариана будет к этому расположена, она уговорит ее поехать в Лондон.

Беатрис не хотела проявлять неуважение, но она была уверена, что мистер Морни ошибается на ее счет. Он ведь не знает, что она считает своим предназначением удачно выйти замуж. Все в Аспиндоне, каждый дюйм прекрасного особняка, подтверждало ее убежденность в том, что и ее ожидает богатая жизнь. Она рождена именно для этого. И все, что ей нужно сделать, — это найти подходящего мужа, который обеспечит такую жизнь. Девушка давно молилась об этом и знала, что это обязательно произойдет. А от нее требуется лишь хорошо одеваться и общаться с подходящими людьми, и все получится.

А еще ей необходимо изменить мнение сестры и ее мужа насчет своих планов. Насколько это будет сложно?